

8. Михайлов О.Н. Екатерина II – императрица, писатель, мемуарист // Сочинения Екатерины II. М., 1990.
9. Письма барона Мельхиора Гримма императрице Екатерине II // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 33.
10. Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23.
11. ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. XXII. № 16329, 16421.
12. Рейналь Г. Философская и политическая история заведений и торговли в обеих Индиях // Моряков В.И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М., 1981. Приложение I.
13. Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6. СПб., 1877.
14. Храповицкий А.В. Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901.
15. Шарф К. Ветер перемен из Штеттина и Галле: немецкие корни политического самосознания Екатерины II // Родина. 2010. № 2.

Ю.Н. Смирнов

Самарский государственный университет

ОБОСТРЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ С НАСЕЛЕНИЕМ ЗАВОЛЖЬЯ В 1764–1768 ГГ.

Начало 1760-х гг. в истории лесостепных и степных территорий Заволжья связано с пребыванием во главе Оренбургской губернии, в которую эти территории тогда входили, видного государственного деятеля Д. В. Волкова, чью деятельность можно рассматривать в контексте общегосударственной политики «просвещенного абсолютизма» [10]. Волков из-за кратковременности пребывания на губернаторской должности не успел приступить к исполнению того, что предлагал. Его предупреждения о недостатках местного управления не были услышаны ни верховной властью, ни местными дворянами и чиновниками. После отставки Волкова в октябре 1763 г. до восстания Е.И. Пугачева оставалось ровно 10 лет, которые так и не были использованы не только для решения глубоких и острых социальных проблем в крае, но даже для приведения в порядок вооруженных сил, размещенных на юго-восточной окраине империи.

Новым губернатором 21 августа 1764 г. был назначен тайный советник князь А.А. Путятин. В годы его руководства губернией тревожные разговоры о неблагополучии дел на юго-восточной окраине усилились.

Возможности для открытого проявления озлобленности и недовольства представились в ходе выборов и составления наказов для депутатов Уложенной комиссии в 1767 г. В этих мероприятиях приняли участие почти все сословия, кроме крепостных крестьян и солдат регулярной армии.

В ходе выборов и составления наказов были отмечены случаи совместных действий государственных крестьян различных сословных категорий и национальных групп: подача общих наказов, выборы общих депутатов и поверенных, помощь и взаимодействие в составлении наказов представителей разных сословий, народов, вероисповеданий. Особый интерес представляют те из наказов, которые позволяют проследить борьбу крестьян за более полное отражение в них своих нужд и требований против давления со стороны властей [1, с. 33].

По своему содержанию указы крестьян имели между собой много общего. Основное место в них занимали вопросы обеспеченности земель и угодьями (в том числе в связи с захватами их помещиками), жалобы на тяжесть налогов и повинностей, на злоупотребления чиновников.

Нередкими были случаи взаимодействия представителей крестьянства и отставных военнослужащих при организации и проведении выборов. Во многом были схожи требования и их наказов по земельным вопросам, по отношению к действиям местной администрации. Взаимное сочувствие крестьян и нижних чинов армии положению друг друга ставило под сомнение надежность пограничных войск в случае внутренних конфликтов.

То же касалось казачества. От казаков, близких по положению к крестьянам и отставным нижним армейским чинам, исходили в казаках жалобы на тяготы службы и малоземелье.

Были переклички с требованиями крестьян и непривилегированных служилых сословий и в городских наказах. В них, в частности, выражалось недовольство земельными притязаниями помещиков, казенными сборами и повинностями, злоупотреблениями чиновников [8, с. 461–462, 464–465].

Заметно противопоставляло себя всем остальным одно дворянское сословие. Самарское, ставропольское и оренбургское дворянство избрало общим депутатом самарского помещика майора И. Толстова, который и получил совместный наказ дворян трех уездов. Среди требований этого наказа по упорядочению деятельности судов и местной администрации, расширению прав «благородного сословия» выделялась просьба отдать помещикам земли, которыми владеют «на Самарской дистанции состоящие в крепостях жители, то есть отставные драгуны, и солдаты, и служащие казаки». У казаков дворяне не просто требовали отобрать часть земель, а предлагали вообще выселить всех их «выше по Яику на линию», то есть дальше на восток. Помещики заверяли, что охотно возложат на своих крестьян несение повинностей, исполняемых казаками. Вторым районом после Самарской дистанции, возбуждавшим помещичьи земельные аппетиты, был север-восток Заволжья: «Также и в Бугульминском ведомстве при жительствах не помнящих родства, и при иноверческих на новой дороге, и прочих новокрещенских деревнях излишних земель есть не мало, а точных по числу их душ отводов еще не учинено. Того ради всенижайше просим, дабы повелено было для тех живущих в самарских крепостях козаков и отставных от службы, для непомнящих родства, татарских и новокрещенских деревень землям и угодьям учинить точные отводы по числу душ, или как заблагоразсуждено будет; и оставшая за тем излишняя для размножения земледельства позволить из казны покупать помещикам» [9, с. 5].

Требования дворянского наказа по вопросу освоения земель края задевали интересы остальных сословий, участвовавших в заселении края, но совпадали в принципе с позицией администрации Оренбургской губернии, которая также прозвучала в Уложенной комиссии в виде доношения А.А. Путятина. Доношение это было составлено 21 марта 1766 г. и появилось раньше дворянского наказа, который был написан 18 мая 1767 г. Оно рассматривалось 26 февраля 1767 г. в Сенате, который вынес определение, что «представление простирается к завершению и установлению нового порядка и закона», а потому следует этот документ сообщить в Уложенную комиссию. Представление Путятина было зачитано в Уложенной комиссии 13 декабря 1767 г., было приложено к ее делам, среди которых и сохранилось [7, л. 3–13об., далее цитируется по этому источнику].

А.А. Путятин по некоторым позициям открыто полемизировал с «просвещенным абсолютизмом» Волкова. Особенно резко противопо-

стояние Путятину предшественнику заметно в вопросах веротерпимости и переселения на новые земли иноверцев и новокрещен из народов Поволжья. Путятин заявлял, что все они, исключая только мордву, «к доброму поселению неудобны и безнадежны, кои по умножению их в здешней губернии... легко могут, отступя от восприятой ими православной веры, тайно возобновить свое суеверие (кое частию уже и оказывается)». Губернатор требовал, чтобы «ни под каким видом впредь таковых иноверцов в Оренбургскую губернию к поселению из внутренних губерний же отнюдь не увольняли, ибо когда они в тех внутренних губерниях между христианскими жителями имеют оставаться, то и восприятой ими вере от времени до времени укреплятьца будут». Путятин настойчиво сводит к религиозным мотивам причины переселения: «Все они, иноверцы и новокрещены, и перешли, как видимо, не все от тесноты земель в прежних их жилищах, но некоторые от воровства и от лености; а особливо новокрещенныя татара, ис коих ни один добровольно креститься не пожелал., а чуваша, чтоб им не жить в христианском благчестии, но быть в их суеверии и идолопоклонстве, как некоторыя в том уже и найдены; а некрещенныя татара не для чево инова, как в близость и сообщество их же к их же братье иноверцам и татарам».

Надо отметить, что аргументацию Путятину о преимущественном значении религиозных факторов в переселении за ним повторяли и позднейшие исследователи. Не отрицая наличия этих факторов, следует, однако, указать, что губернатор при этом лукавил, шантажируя столицу мусульманскими и языческими угрозами делу христианской проповеди. Горячие обличения иноверцев и «суеверов», от которых в «прямом поселении, домостроительстве, хлебопашестве, скотоводстве, сбережении лесов и во всем мирном и добром житии никакова успеха не видно, а паче и безнадежно», были несправедливыми. Они расходились и с наблюдениями участников академических экспедиций, проводившихся в то время, и с материалами книг П.И. Рычкова, и с сообщениями Д. В. Волкова. За административным и религиозным рвением Путятину проглядывали более приземленные и корыстные интересы.

Самовольные захваты заволжских земель, чинимые часто под видом покупок и аренды их у номинальных владельцев – башкир, происходили тогда как со стороны «ненасытных помещиков», так и государственных крестьян из разных народов. Однако данные заволжские земли являлись, согласно правительственному определе-

нию 1742 года, не башкирскими, а казенными. Получать их, как был уверен Путятин, можно было только в виде пожалований и других разрешений со стороны властей. Преимущественно эти места были предназначены, по мнению губернатора, для раздачи именно помещикам.

Предлагаемые Путятиным решения по запутанным земельным отношениям показывали абсолютно однозначную социальную позицию губернской администрации. Конфискации в казну подлежали все земли, незаконно проданные или сданные башкирами как помещикам, так и государственным крестьянам. Однако дальше земельное обустройство шло по разным сценариям.

Если у помещиков уже поселены здесь деревни, то «в разсуждении малого и нужно требующегося в Оренбургской губернии поселения», губернатор предлагал отвести «под те их деревни назначенное Межевою инструкциею число земель и угодья, сколько по числу ж душ причтется». Земли, отрезанные у помещиков как излишние, а также остающиеся пустыми, следовало продать «за определенную цену» дворянам же, «желающим для поселения крестьян».

Государственным крестьянам право оставаться в уже устроенных поселениях, по замыслу Путятина, не предоставлялось. После урезания занятых ими угодий этим крестьянам предполагалось выделять округи, куда сводилось на поселение не менее 300 душ. Проживание «малыми деревнями» запрещалось, поскольку в них нельзя было, считал губернатор, учредить «доброе порядка».

«Добрый порядок», по Путятину, в казенной деревне сводился к жесткому полицейскому контролю как за ее обитателями, так и за людьми пришлыми и проходящими, в которых он априорно подозревал беглых. В губернаторских предложениях Сенату и Уложенной комиссии рисовалась картина усиления крепостного режима в казенной деревне, доходящего до самой мелочной административной опеки. Например, предлагалось, «чтоб без ведома бурмистра из того села или деревни более 3-х дней никто отлучаться не мог, а естли кто возымеет нужду отлучиться более 3-ех дней, тем являться к бурмистрам и объявлять, куда и для чего он отъезжает, почему и отпускает». Предписывалось также «накрепко смотреть, чтоб никто из обывателсей сыраго лесу, кроме валежнику и сучья, на дрова не рубили, а подбирали б сперва валежник и сучья, а когда валежник весь выбран будет, то бурмистру с помощниками и с приговору всего села определить рубить и сы-

рой стоячей такой лес, кой ни на какое строение не годится; кому ж и на строение потребен, то чинить же по вышеписанному; тако ж бы и крыши были б по примеру других народов соломенные...; а лубков бы по здешнему обыкновению на крыши с стоячих дерев отнюдь не снимали». Виды наказаний для крестьян предусматривалось разнообразить «забитием на несколько часов в колоду», как это практиковалось в Малороссии и Польше.

Радение о соблюдении законов государства и интересов православия в трактовке Путятина на самом деле обернулось требованиями: 1) сохранения помещичьих захватов земли (с частичной урезкой в случае их чрезмерной величины), 2) предоставления дворянам преимущественного права наделения и покупки земли в районах заселения, 3) ограничения землепользования и хозяйственной самостоятельности государственных крестьян. Совпадения в губернаторском представлении и дворянском наказе не были случайными. Объяснения тому кроются и во влиянии на позицию губернатора со стороны «благородного сословия», занимавшего практически все ответственные должности в местном управлении, и в активности дворян в ходе выборов в Уложенную комиссию.

П.И. Рычков сообщал своему знакомому и коллеге по научным занятиям Г.Ф. Миллеру: «Оренбургского депутата для любопытства не изволите ли узнать? Он фаворит губернаторский, без сумнения его видам инструктирован». Были и другие группировки, имевшие своих кандидатов в Уложенную комиссию: «В числе баллотированных два генерала-майора и несколько полковников находились». Были дворяне, которые поддерживали кандидатуру самого Рычкова, «но губернаторская сторона превозмогла». Толстов ненамного опередил первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук, который сообщил Миллеру: «Он, сказывают, предо мною два бала лишних имел» [5, с. 55].

П.И. Рычкову вообще в то время не везло в делах службы и карьеры. То ли из-за ухудшения отношений с губернскими властями, то ли по состоянию здоровья, а скорее по обеим этим причинам, но в марте 1760 г. Рычков оставляет государственную службу и уходит в длительный отпуск. В 1767 г. он попытался вернуться на пост в губернской администрации, но безуспешно [3, с. 55–56].

Однако, кроме субъективных причин, за удалением Рычкова от дел губернского управления проглядывал общий поворот в правительственной политике на юго-восточной окраине державы. На смену

сторонникам линии И.К. Кирилова, организатора Оренбургской экспедиции, и И.И. Неплюева, первого оренбургского губернатора, готовым ради расширения пределов империи и освоения новых земель идти на некоторые нарушения крепостных порядков, приходило новое поколение администраторов. Эта генерация по своим убеждениям и по личной корысти торопилась превратить юго-восточную окраину в продолжение, повторение крепостнического центра страны.

Но все предложения Путятина и дворянского наказа по упорядочению землевладения и управления Заволжьем получили официальное одобрение высшими учреждениями и были оформлены законодательно. Однако на практике реализовывалась именно эта административная линия. Так, 2 июня 1768 г. Сенат издал указ об ограничении выхода крестьян из других губерний на башкирские земли [4, с. 489].

Показательны для судебной практики тех лет дела по земельным спорам, в которых власти откровенно принимали сторону помещиков и способствовали их наступлению на земли государственных крестьян. В 1765 г. оренбургская губернская канцелярия поддержала статского советника Л. Арнаутова, служившего в ней самой, который попытался согнать с земли мордовских крестьян новопоселенной деревни Сок Камышлы, Борисовой тож. Земля, кормившая 285 ревизских душ, то есть до 600 человек обоего пола, была объявлена «пустопорожей» и передавалась помещику «не токмо со всеми ... удобными местами, но и со всею деревнею и с распашенной пашнею и с посеянным озимым хлебом». Крестьянам предлагалось переселиться «в другие места», заведомо неудобные. Все это происходило, несмотря на то что земля была занята новокрещеными под поселение с ведома и разрешения властей. До той поры, пока уже освоенные угодья деревни не приглянулись Л. Арнаутову, никаких препятствий ее существованию не находилось. Об этом свидетельствуют сказки третьей ревизии 1762–1764 гг., по которым в подушный оклад «в новозаводимую деревню на речке Сок Камышле» были официально записаны переселенцы Симбирского, Пензенского, Казанского уездов [6, л. 929–949об.].

Поддерживая влиятельного чиновника, местные власти прибегали к арестам протестовавших крестьян, описи их скота и имущества, заведению на них фиктивных уголовных дел, но не смогли подавить недовольство. Крестьянский поверенный и основатель этой деревни Борис Алексеев скрылся от преследования, добрался до Петербур-

га и сумел добиться рассмотрения дела в Сенате, высшем судебном учреждении. Там было принято компромиссное решение о размежевании спорной земли между государственными крестьянами и помещиком. Такой, пусть даже частичный, успех в борьбе с дворянской алчностью был редким исходом, так как органы управления отстаивали, прежде всего, интересы привилегированных землевладельцев [2, с. 151–152].

Таким образом, даже рядовые земельные и имущественные тяжбы, управленческие неурядицы превращались в явления социального звучания. У обиженных и пострадавших, каковыми оказывались крестьяне и люди из других низших сословий, росло недовольство дворянскими привилегиями и продворянской политикой властей.

В литературе уже высказывалось справедливое мнение, что непринятие Уложенной комиссией законов, на которые рассчитывали представители непривилегированных сословий, стало одной из предпосылок восстания 1773–1775 гг. Можно согласиться и с точкой зрения, высказанной в свое время еще М.М. Щербатовым, о том, что само обсуждение острых проблем российской действительности в Уложенной комиссии увеличило угрозу существующему государственному устройству: «Дух неподданства и разврату в грубия и немисленные души вкоренился, заражающийся от разных несправедливых слухов и от разглагольствований крестьянских, однодворческих, старых служб и других низких чинов депутатов, которые по разезде своем семена сии злыя и в отдаленнейшия области России разпростерли» [11, л. 1об.].

М.М. Щербатов был прав в том, что известия о ходе Уложенной комиссии становились известными даже на далеких окраинах страны, но ошибался, говоря о влиянии на крестьян только антикрепостнических высказываний депутатов. Следует обязательно учесть и воздействие, какое оказали на депутатов, особенно крестьянских, откровенно крепостнические выступления в Уложенной комиссии. Закрытый от большинства жителей губернии, кроме узкого круга отдельных чиновников и дворян, документ, каким было представление губернатора в Сенат, был обнаружен. Он не оставлял никаких сомнений в позиции местной администрации по самым важным для государственных крестьян вопросам. Их оскорбляли, на них клеветали Сенату и императрице, им грозили сгоном с обжитых полей и дворов, собирались поставить под такой жесткий надзор, который и не в каждой помещичьей вотчине можно было найти.

Большинство населения юго-восточной окраины, состоявшее из государственных крестьян и близких к ним по положению социальных групп, узнало теперь доподлинно мнение о себе поставленного над ним начальства. Судя по всему, не остался секретом и дворянский наказ трех заволжских уездов с недобрыми обещаниями не только в адрес крестьян, но и казаков.

Хотя уже в 1768 г. Путятина на должности оренбургского губернатора сменил И.А. Рейнсдорп, это не могло исправить отрицательного отношения значительной части населения к местной администрации, тем более что с заменой первого лица в ней не менялась основная часть прежних чиновников. Сам Рейнсдорп не допускал излишне резких высказываний и прямо не предлагал столь крутых мер, как его предшественник. Однако принципиальные установки в вопросах заселения края и управления его землями оставались у него схожими с позицией Путятина вплоть до уже скорой Пугачевщины.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Обзор наказов крестьян Ставропольской провинции Оренбургской губернии в Уложенную комиссию // Археография и изучение духовной культуры. Свердловск, 1987.
2. Артамонова Л.М. Участие жителей края в Уложенной комиссии Екатерины II // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
3. Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. 1712–1777. М., 1991. С. 133; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. М., 1994.
4. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. М., 1956.
5. Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.
6. РГАДА. Ф. 248. Д. 3620. Л. 629об. 630об.; Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454.
7. Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 230.
8. Сб. РИО. Т. 107. СПб., 1900.
9. Там же. Т. 93. СПб., 1894.
10. Смирнов Ю.Н. Вопросы управления и освоения Заволжья во время пребывания Д. В. Волкова во главе оренбургской администрации // Самарский край в контексте российской истории. Самара, 2001.
11. Щербатов М.М. Размышления о неудобностях в России дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственность имений // Самарская областная универсальная научная библиотека. [Рукопись]. Инв. № 306105.